

Миссия Православия

Лекция, прочитанная в 1968 г. на Национальной конференции православных студентов.

Какова роль православных христиан в Америке и какие задачи стоят перед ними? Слишком часто мы беремся решать проблемы, которые мы даже не сформулировали, стремимся достичь цели, которую еще не определили, победить в боях, в которых мы даже не знаем противников.

Пора прояснить вопросы, сформулировать проблемы, стоящие перед всеми нами, обсудить возможные решения и определить приоритеты в нашей жизни, жизни православных христиан в западной и в то же время – нашей стране. Кто мы? Группа эмигрантов? Духовное и культурное гетто, долженствующее существовать в этой форме наперекор всему? Или нам следует раствориться в том, что называется "американским образом жизни"? Что это такое – "американский образ жизни"?

Я намереваюсь обсудить основной контекст этих проблем. В первой лекции первокурсникам Св.-Владимирской семинарии я всегда использую такой пример. Если у вас большая библиотека и вы переезжаете в новый дом, вы не можете воспользоваться своими книгами, если не постройте полки. Пока книги лежат в ящиках, они принадлежат вам, но никакой пользы вам не приносят. И потому моя задача построить полки, а потом попытаться уяснить, какие первоочередные задачи и проблемы стоят перед нами сегодня.

Невозможно говорить о нашей ситуации в Америке, не "относя" ее к нашей естественной и существенной точке – к Православной Церкви. Православная Церковь – греческая, сирийская, сербская, румынская или болгарская – всегда была сердцем и формой православного мира. И только здесь, на Западе, впервые в истории Православия, нам приходится думать о Церкви только в терминах религиозной организации, такой как епархия, приход и т.п. Никто в органически православных странах не представлял себе Церкви, отличной от всецелой жизни. С момента обращения Константина Церковь была органически связана с обществом, культурой, образованием, семьей и т.п. Не было никакого разделения, никакой дихотомии. И здесь мы видим первое радикальное отличие, с которым мы сталкиваемся в Америке: мы принадлежим к Православной церкви, но не принадлежим к православной культуре. Это – первое и наиважнейшее отличие, и если мы не поймем, что перед нами не просто академическое утверждение, но истинный контекст нашей жизни, то и не сумеем уяснить себе ситуацию, в которой живем. Ибо все в

Православной Церкви указывает на определенный образ жизни, Церковь связана со всеми сторонами жизни. Но мы лишены такой связи потому, что, выходя в воскресенье утром из церкви, возвращаемся в культуру, не созданную, не сформированную и не вдохновенную Православной Церковью и потому во многом чуждую Православию.

Столкновение культур

Первые православные эмигранты в Америке не задумывались об этом, поскольку продолжали во многом жить внутри органической православной "культуры". Они держались и принадлежали тому, что в американской социологии известно как "субкультура". После литургии русские или греки собирались в приходском доме, причем собирались не только как православные христиане, но именно как русские, или греки, или болгары, или карпатороссы, для того, чтобы дышать своей родной культурой.

Вначале это было абсолютно нормально и естественно. Даже сегодня в некоторых местах можно жить так, как будто живешь и не в Америке, – не зная толком английского языка, не имея отношения к американской культуре. Но, нравится нам это или нет, эта "иммигрантская" глава нашей истории подходит к концу, и пора подумать о новых поколениях.

У сегодняшних молодых православных нет этого иммигрантского сознания. Православие для них – не воспоминание о детстве в другой стране. Они не будут сохранять Православие просто потому, что это – "вера их отцов". Ведь что получится, если мы применим этот критерий к другим? Тогда потомку протестантов придется остаться протестантом, еврею – иудеем, а сыну атеиста – атеистом просто потому, что такова была "вера отца". Если именно это является критерием, то религия становится не более чем сохранением непрерывности культуры.

Но мы заявляем, что наша Церковь – Православная, или еще проще – истинная и единственная Церковь, а это страшная ответственность. Ведь это подразумевает, что Православие – это вера для всех людей, всех стран, всех культур. Но если мы не будем сохранять эту уверенность в своем сердце и уме, наши притязания на то, что мы составляем поистине истинную, или Православную, Церковь, обратятся лицемерием, и честнее будет называть себя обществом сохранения культурных ценностей определенного географического региона.

Наша вера не может быть сведена лишь к религиозной практике и традициям. Она заявляет свои права на всю жизнь человека. Но культура, в которой мы живем, "американский образ жизни", уже существовала до того, как мы сюда приехали. И вот мы оказываемся в ситуации, когда мы принадлежим к "Восточной" Церкви, требующей от нас

всей нашей жизни, но живем изо дня в день в западном обществе и ведем западный образ жизни.

Таким образом, первую проблему можно сформулировать очень просто, хотя решить ее очень трудно: как нам соединять эти две жизни? Как мы можем следовать православной вере, требующей всю нашу жизнь, в контексте культуры, которая тоже пытается формировать наше существование?

Такова антиномия нашей ситуации, именно здесь корни наших трудностей. И пока мы не поймем это, мы не сможем прийти к правильному решению. А неправильные решения – сегодня весьма популярные – следуют двум основным линиям.

Одну линию я назову "невротическим" Православием. Оно присуще тем, кто, независимо от того, родились ли они в Православии или обратились в него, решил, что они не могут быть православными, если просто не отринут американскую культуру. Такие люди считают своим духовным домом какие-нибудь романтические и идеализированные Византию или Русь, постоянно ругают Америку и упадочное западное общество. Для них слова "западный" и "американский" – синонимы слов "порочный" и "сатанинский". Такая крайняя позиция дает им иллюзию безопасности, но, в конечном счете, она самоубийственна. Это, безусловно, не позиция апостола Иоанна, который среди жестоких преследований просто сказал: "... и сия есть победа, победившая мир, вера наша" (1 Ин. 5:4). И еще он говорит: "В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение" (1 Ин. 4:18). Но у некоторых, однако, Православие превращается в апокалиптический страх, который всегда вел к сектантству, ненависти и духовной смерти.

Второе опасное направление – это почти патологический "американизм". Есть люди, которые, услышав в церкви одно русское или греческое слово, видят в этом чуть ли измену Христу. Это – тоже невроз, противоположный, невроз тех, кто хочет, чтобы Православие стало американским незамедлительно.

Первый невроз превращает Православие в фанатичную негативистскую секту, второй "фальсифицирует" Америку, – Америка вовсе не та страна, которая требует капитуляции, конформизма и принятия основного направления американского мышления, "американского образа жизни". Это поистине великая и уникальная страна именно потому, что ее культура открыта переменам.

Неизменная весть

Кто знает, может, истинная миссия Православия в Америке – изменить американскую культуру, которая никогда по-настоящему не сталкивалась с иной системой

ценностей? Православие, несомненно, обладает пониманием человека, жизни, мира, природы и т.д., радикально отличным от того, которое превалирует в американской культуре, но само это отличие – вызов Православию на определенные действия, а не повод к эскапизму, негативизму и страху. Избежать указанных крайностей, быть истинно православными и в то же время американцами – вот в чем видится нам единственно истинная верность православному преданию. С чего и как следует нам начать этот путь?

Я уже говорил, что у меня нет готовых ответов, но у меня есть несколько мыслей, которыми я хотел бы с вами поделиться, мыслей о тех предпосылках, тех условиях, которые могут помочь нам на этом трудном пути. Одна из огромных опасностей современной, и в особенности американской, культуры – редукция человека к истории и переменам. Это первое, что мы, православные, должны решительно осудить и чему должны сопротивляться. Мы должны открыто исповедать, что существуют вещи неизменяемые, что человеческая природа в действительности не меняется, что такие реальности, как грех, добродетельность, святость, не зависят от культурных перемен.

Сколько раз я слышал, например, что в "наш век" понятие греха должно измениться, чтобы быть понятным современному человеку! Сколько раз все мы слышали, что в "наш век" нельзя говорить о диаволе! Однако я абсолютно уверен, что грех означает для меня то же самое, что означал для апостола Павла, и что если диавол не существует, то христианство – уже не та религия, которой оно было в течение почти двух тысяч лет. Недостаточно говорить, как делают некоторые западные богословы, о "демоническом". Недостаточно отождествлять грех с отчуждением. И именно в этих вопросах на Православии лежит великая обязанность, ибо оно по существу вера в неизменяемые, постоянные реальности, оно – обличение всех редукций как не только противных вероучению, но и экзистенциально разрушительных.

Так, первым условием должна стать просто вера. Еще до того, как я могу отнести себя к тому или иному поколению, назвать себя иммигрантом или "аборигеном", а наш век технологическим или постиндустриальным и т.д., я сталкиваюсь с основной, все определяющей реальностью – человеком, стоящим перед Богом и понимающим, что жизнь – это общение с Ним, знание Его, вера в Него, что мы в прямом смысле созданы для Бога.

Без этого опыта и утверждения ничто не имеет смысла.

Моя истинная жизнь – во Христе и на небесах. Я был создан для вечности. Эти простые утверждения отвергают как наивные и не имеющие отношения к сегодняшней жизни, и, несмотря на всю свою христианскую терминологию, западное христианство все больше превращается в антропоцентрический гуманизм. В этом пункте невозможны для

нас никакие компромиссы, и все зависит от того, сохранит ли Православие верность своей "Богоцентричности", своей направленности к Трансцендентному, Вечному, Божественному.

Мы не отрицаем, что людям нужны справедливость и хлеб. Но в первую очередь им нужен Бог. И поэтому мы можем делать то, к чему призваны, невзирая ни на какие искушения. По видимости "милосердный" характер этих искушений упускает из виду неизменную истину, что наше призвание – не только провозглашать или защищать, но прежде всего жить этой неизменной, вечной иерархией ценностей, в которой Бог, и только Бог, – начало, содержание и конец всего. И это – истинное содержание православной веры, православного богослужения, православных таинств. Это то, что празднуем мы пасхальной ночью, то, что открывается за евхаристической трапезой. Это всегда та же молитва, та же радость: "Да приидет Царствие Твое..." Это – понимание жизни как приготовления, и не к вечному покою, но к жизни более реальной, чем что-либо иное, жизни, только "символом" и "таинством" которой является наша земная жизнь.

Могу услышать и почувствовать реакцию: "Ох, опять рай и ад! И это христианство? Разве можно проповедовать это в двадцатом веке?" И я отвечаю: "Да, это христианство. Да, это можно проповедовать в двадцатом веке". Именно потому, что столь многие сегодня забыли об этом, потому, что это стало неважным и для самих христиан, – так много людей уже находятся в аду. И Православие потеряет свою соль, если каждый из нас не будет прежде всего стремиться к личной вере, к этой жажде спасения, искупления и обожения.

Христианство начинается только тогда, когда мы серьезно относимся к словам Христа: "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам" (Мф. 6:33).

Видение будущего

А теперь позвольте мне поделиться с вами моей второй предварительной мыслью. Точно так же, как каждый из нас должен открыть для себя "неизменное" и вступить во всегда ту же самую, никогда не прекращающуюся духовную борьбу, мы должны понять, что принадлежим к определенному поколению православных христиан, живущих в XX веке в Америке, в секулярной и плюралистической культуре, в условиях глубокого духовного кризиса.

Что мы можем сделать сообща? Каковы православные императивы для нашей общей задачи? Думаю, здесь приоритеты довольно ясны, особенно когда мы говорим со студентами и для студентов, ибо "студент" – чистейший представитель того, что я

называю вторым Православием в Америке. Приверженцы первого – независимо от того, прибыли ли они из Старого Света или родились здесь, – по своей ментальности все еще иммигранты. Они живут в условиях американской культуры, но не стали еще ее органической частью.

Студент по определению тот, кто может и должен рефлексировать. Пока американское Православие не рефлексировало на тему самого себя и своего положения здесь. Православный студент – первый православный, призванный задуматься о своей жизни как жизни православного христианина в Америке. От этого зависит будущее нашей Церкви на этой земле, ибо такая рефлексия очевидно будет направлена на вопросы, описанные мною выше. И это чрезвычайно важная задача. Вы скажете либо "да", либо "нет" от имени всей Православной Церкви на этом континенте.

Сказать "да", однако, значит вновь ощутить Церковь как миссию, а миссия в условиях существующей сегодня ситуации означает нечто большее, нежели просто обращение отдельных людей в Православие. Это означает в первую очередь оценку американской культуры в православной перспективе, и такая оценка - истинная миссия православной "интеллигенции", ибо никто другой этого сделать не сможет.

Основы встречи

Здесь я опять хочу подчеркнуть существенное качество американской культуры – ее открытость к критике и переменам, к вызовам и оценкам со стороны. На протяжении всей американской истории американцы задавались вопросами: "Что это значит – быть американцем?", "Для чего существует Америка?" И они до сих пор задают эти вопросы. И здесь – наш шанс и наш долг. Для оценки американской культуры в православной перспективе необходимо, во-первых, знание Православия и, во-вторых, знание истинной американской культуры и традиций.

Нельзя правильно оценить то, чего не знаешь, не любишь и не понимаешь. Таким образом, наша миссия – прежде всего образование. Мы – все мы – должны стать богословами, не в техническом смысле слова, конечно, но в смысле насущного интереса, заботы, внимания к нашей вере, а главное – в перспективе связи веры и жизни, веры и культуры, веры и "американского образа жизни".

Я приведу один пример. Мы все знаем, что один из глубочайших кризисов нашей культуры, да и всего современного мира, - это кризис семьи и вообще отношений между мужчиной и женщиной. И я спрашиваю: как этот кризис можно понять в перспективе нашей веры в Ту, Которая "Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим", Богородицу, Матерь Божию, Деву, и соотнести его с этой верой?

Куда именно нас все это приведет, – я не знаю. Как сказано в молитве кардинала Ньюмана¹: "Я не вижу дальних картин, мне достаточно одного шага". Но я знаю, что между двумя крайностями – капитуляцией перед Америкой и отказом от Америки – нам необходимо найти узкий и трудный путь, соответствующий истинному православному преданию. Ни одно решение не будет окончательным, ибо в мире сем окончательных решений не существует.

Мы всегда будем жить в напряжении и в конфликте, в ритме побед и поражений. Но если пуритане смогли оказать такое огромное влияние на американскую культуру, если Зигмунд Фрейд смог изменить ее так радикально, что отправил два поколения американцев на кушетки психоаналитиков, если марксизм, вопреки своим феноменальным провалам, до сих пор вдохновляет предположительно умных американских интеллектуалов, – то почему вера и учение, которые мы считаем истинной верой и истинным учением, не может сделать чего-либо подобного? "О вы, малoverные..."

Маркс и Фрейд никогда не сомневались – и одержали свои ужасные победы. Современный христианин, однако, страдает врожденным комплексом неполноценности. Одна историческая неудача – и он впадает либо в апокалиптический страх и панику, либо бросается в богословие "смерти Бога". Может быть, пришло время вновь обрести свою веру и с любовью и смирением применить ее к стране, которая стала нашей? И кто способен на это, если не те, кто органически участвует в американской культуре?

Таким образом, необходимы две вещи. Во-первых, укрепление нашей личной веры и верности. Каждый православный христианин, будь то священник или мирянин, мужчина или женщина, должен прежде всего не говорить о Православии, а жить им в полной мере; это и молитва, и предстояние Богу, и трудная радость переживания "неба на земле". Это главное, и этого нельзя достичь без усилия, без поста, аскетизма, жертвы, то есть без того, что в Евангелии называется "узким путем".

И, во-вторых (я позволю себе использовать чрезвычайно избитое слово), нужен глубокий и реальный диалог с Америкой – не приспособление, не компромисс, а именно диалог, который может вестись иногда и очень жестко. Этот диалог может, по крайней мере, привести к двоякому результату. Во-первых, он поможет нам увидеть, что в нашей вере – реально и подлинно, а что – не более чем декор. Мы даже сможем в процессе этого диалога потерять много таких украшений, которые ошибочно принимали за само Православие. Но то, что останется, и есть именно та вера, которая побеждает мир.

---

¹ Кардинал Джон Генри Ньюман (1801-1890) - английский религиозный деятель, один из выдающихся религиозных мыслителей и литераторов XIX века. 22 января 1991 г. папа Иоанн Павел II назвал его "преподобным". - Примеч. перев.

В процессе этого диалога мы также откроем для себя истинную Америку, не ту, которую одни православные проклинают, а другие обоготворяют, но Америку той великой жажды Бога и Его справедливости, которая всегда лежала в основе подлинной американской культуры. Чем дольше я живу здесь, тем сильнее я верю в то, что встреча Православия с Америкой провиденциальна. И именно из-за ее "провиденциальности" эта встреча с обеих сторон подвергается нападкам, непониманию, отвержению ... Может быть, именно мы – здесь, сегодня – призваны понять ее истинное значение и действовать соответственно.

Миссия Православия

Мы знаем, что православная молодежь Америки должна иметь миссию. И первое условие миссии – духовное основание. Мы не можем никуда двигаться без веры и взятого на себя личного обязательства вести истинно христианскую жизнь. Далее, мы должны думать о своей миссии в контексте конкретной ситуации, с которой мы сталкиваемся в Америке, в этом совершенно секулярном обществе.

Но что такое миссия? Миссия – одно из тех слов, которые часто употребляют и используют неверно в сегодняшней Америке. Поэтому нам необходимо, в первую очередь, уяснить себе его значение. С одной стороны, все понимают, я надеюсь, что в определенном смысле каждый христианин призван быть миссионером. Каждый христианин – посланник. Мы говорим: "Единая, Святая, Кафолическая и Апостольская Церковь", и слово "Апостольская" означает здесь не просто непрерывность священнослужения, как думают очень многие, но и апостольство, то есть миссионерскую природу Церкви и каждого ее члена.

Это "миссионерство" имеет три смысла. Во-первых, я послан к себе самому, что значит: новый Адам во мне всегда готов бороться с ветхим Адамом, то есть с самим собой, все еще держащимся за мир сей и подчиняющимся ему. Во-вторых, я послан к другим. И это опять же относится ко всем, а не только к епископам, священникам и профессиональным миссионерам. В-третьих, наконец, я послан как миссионер миру. Наше видение и вера охватывает всегда спасение всего, за что умер на кресте Христос, а Он умер "за жизнь мира". Таким образом, нельзя спастись без того, чтобы посвятить себя этой миссии. Каждый из нас – миссионер.

Но, с другой стороны, по мере того как мы начинаем искать конкретные способы применения этих общих определений, идея миссии расплывается. И вечная проблема для каждого христианина и для каждого христианского поколения – найти собственную "модальность" миссии, распознать путь, который предназначил им Бог для осуществления

их миссионерского призвания. Каждый человек уникален, и так же уникален путь к исполнению им своего призвания. Уникальна и каждая историческая ситуация, и так же уникальна в некотором роде и христианская миссия каждого поколения. Вот почему среди православных сегодня так много несогласий и противоречий. Каждый признает, что необходимо что-то делать, но нет пока согласия в том, что именно и как. И эти несогласия имеют прямое отношение к самой сути православной миссии в современном мире.

Прошлое и наше предание

В сложившейся ситуации нам следует прежде всего обратиться к прошлому – к нашему преданию, но не "археологически", не с невозможным, нереалистичным и бесполезным желанием просто "воссоздать" прошлое, а с стремлением уяснить замысел Церкви. Вся церковная история – в каком-то смысле история миссии, то есть отношения Церкви к миру и действия ее в нем. И, всматриваясь в прошлое, мы разглядим ритм, который, полагаю, можно определить как ритм кризисов и консолидаций.

Посмотрим, например, на книгу Деяний апостольских, самое раннее описание церковной жизни. Она начинается с почти идиллической картины первой общины в Иерусалиме. Церковь растет, люди к ней тянутся, она живет в мире. Трудности – такие, как случай с супругами, пытавшимися солгать и обмануть, – быстро разрешаются. А потом наступает кризис, возникший из радикальной перемены во внешнем культурном и духовном – контексте, в котором живет Церковь.

Неожиданно Церковь сталкивается с новыми проблемами, нарушающими ее первоначальную мирную жизнь. Встают вопросы о миссии к неевреям, об обрезании, проблемы, связанные с еврейским образом жизни, которые ранее даже не обсуждались. Это, другими словами, – кризис роста, всегда болезненный и трудный. Апостол Павел – носитель и символ кризиса – знал, что, не пройдя через него, Церковь останется незначительной иудейской сектой и никогда не бросит вызов всему миру, не станет вселенским "вопросительным знаком" по отношению ко всему в мире сем, тем, чем она действительно стала после этого первого кризиса.

После этого начался период консолидации. С середины третьего века мы видим последовательные усилия собрать, укрепить, организовать, определить жизнь Церкви, дать ей ясные и устойчивые принципы – апостольское преемство, апостольское учение, апостольские традиции, канон Священного Писания. Накануне обращения Константина Церковь уже существует как четкая организация, "привыкшая" к своей вселенской миссии, с отлаженным механизмом решения каждодневных проблем.

Но тут происходит новый кризис, на этот раз вызванный обращением императора и – через него – всего греко-римского общества. Империя, бывшая для Церкви символом антихриста, блудницей, новым Вавилоном, стала христианской. Мало того, она стала христианской вследствие прямого вмешательства Самого Христа, избравшего Константина на роль "второго Павла". И снова вся церковная жизнь радикально меняется. Церковь не только обретает мир и безопасность, но и богатство и привилегии, блеск новых базилик, горы золота и серебра, политическую власть, новый социальный статус.

Епископов, только вчера находившихся в тюрьмах или в укрытиях, приглашают приехать в Никею за счет государства, осыпают почестями и подарками. Все это так ново, так неслыханно! Неудивительно, что это ведет к кризису в самом сознании Церкви.

Лучшее доказательство нового кризиса – великий монашеский исход четвертого века. В то время, когда христиане, казалось бы, могли, наконец, пользоваться и наслаждаться всей возможной властью, лучшие из христиан, в огромных количествах, уходят в пустыни. Но важно отметить, что именно этот исход становится началом новой консолидации, творческого "приспособления" Церкви к новым условиям в мире. Ибо без монашеского исхода и брошенного монахами вызова Церковь подпала бы опасности слишком легко принять свой новый, привилегированный "статус" – статус государственной религии, отождествляющей себя с культурой, потерявшей силу своей эсхатологической молитвы "Да приидет Царствие Твое".

Именно монахи, сохранившие христианский максимализм и вносившие его в самую "ткань" империи, заложили основы "православного мира" с его внутренним и творческим напряжением между "небом" и "землей". Именно то, что христианский мир, несмотря на все свои недостатки и пороки, никогда не сводил человека ни к чему – будь то экономика, общество или культура, потому что всегда помнил вечное и божественное предназначение человека, всегда полагал своей главной ценностью Царство Божие, – и делало этот мир христианским. Этот мир знал, что человек – грешное существо, призванное к небесной славе, к чести высшего звания.

Постхристианство

Наша сегодняшняя ситуация – тоже ситуация кризисная, и суть этого кризиса должна дать направление и смысл наших миссионерских действий. Основа кризиса заключается в том, что христианский мир, берущий начало с обращения Константина, и возникшая потом "симфония" между Церковью, с одной стороны, и обществом, государством и культурой - с другой, кончились.

Прошу вас не понять меня неправильно. Не христианству, не Церкви и не вере пришел конец, но миру, который, пусть временами номинально, относил всю свою жизнь ко Христу и имел своим высшим критерием христианскую веру. Все мечты о его восстановлении обречены.

Ибо даже если христиане смогли бы вновь получить власть в государствах и обществах, это не превратило бы автоматически эти общества и государства в "христианские". То, что случилось, произошло на гораздо более глубоком уровне.

Невозможно отрицать факт, что мы больше не живем в христианском мире. Мир, в котором мы живем, обладает собственным стилем и культурой, собственным этосом и, самое важное, собственным мировоззрением. И христиане все еще не определили и не сформулировали последовательно христианское отношение к этому миру и его мировоззрению и разделены в своих реакциях на него. Одни просто принимают это мировоззрение и капитулируют перед секуляризмом. Другие же, чья нервная система не выдержала потрясения от перемен, в этой новой ситуации впадают в панику.

Если реакция первых понемногу подводит к исчезновению самой веры, то реакция последних угрожает нам превращением Православия в секту. Человек, чувствуя себя абсолютно комфортно в секулярном и нехристианском мире, вероятно, перестал быть христианином, по крайней мере в традиционном смысле этого слова. Но тот, кто одержим ненавистью к современному миру и страхом перед ним, также выпал из подлинной православной традиции. Ему нужна безопасность секты, уверенность в том, что в центре мирового падения хотя бы он лично спасен. В обоих подходах очень мало христианства и Православия. Одни забывают, что Царство Божие "не от мира сего", а другие, похоже, не помнят, что "совершенная любовь изгоняет страх" (1 Ин. 4:18).

Двоякая миссионерская перспектива

Если, как я уже сказал, сама суть настоящего кризиса должна делить нашу миссионерскую перспективу, то, я думаю, эта перспектива содержит две основополагающие реакции, ставит две неотложные задачи.

1. Мы должны сохранить любой ценой то, что многие сегодня презрительно называют христианским "институтом". Сегодня требуется смелость, чтобы защищать этот "институт" перед лицом сильного и антиинституционального настроения, проявляющегося как справа, так и слева. Иронический парадокс нашего времени: ультраконсерваторы объединяются с ультрарадикалами в стремлении подорвать основы этого "христианского института".

Ультраконсерваторы, постоянно измеряя и сравнивая "духовность" или "православие" епископов и юрисдикций, назначают себя судьями, устанавливают критерии и харизматически решают, кого они принимают, а кого отвергают. Иными словами, они берут на себя право принимать решения, которые принадлежат Церкви, и приходят к тому, что заменяют православное учение Церкви новой разновидностью донатизма или монтанизма, ересей, которые выросли из неправильно понятого и не на то направленного максимализма и которые именно из-за такого ложного максимализма было особенно трудно уничтожить.

Ультрарадикалы же просто отвергают сам принцип "института", "организации", которая кажется им скучной и чуждой, и готовы пересмотреть и переоценить все в свете собственных предположительно "харизматических" интуиций. В обоих случаях мы видим общее глубоко ложное представление о Церкви, о связи в ней организационного и харизматического начал. И корни этого непонимания – прежде всего в отсутствии основной христианской добродетели: смирения.

Трудно, но необходимо говорить молодежи, которая стремится к максимализму, немедленным действиям и блестящим достижениям: "Ваш первый долг, первое духовное достижение состоит именно в принятии этой организации, и принятии на ее, а не на ваших условиях. Ваш долг состоит в том, чтобы стать – глубоко и смиренно – частью ее".

Ибо что такое "организация"? Это сам факт присутствия и непрерывности Церкви, всегда остающейся одной и той же, в мире сем, независимо от всех кризисов и перемен. Это гарантия того, что, независимо от появления или не появления пророков, святых или вождей, способных вдохновлять и вести нас, всегда есть и будет священник, стоящий у моей постели в смертный час и произносящий слова надежды, радости и победы, которые не он выдумал и которые он, может быть, даже сам не чувствует, но которые через него сохраняет Церковь. Это гарантия того, что каждое воскресенье некто – хороший, плохой или посредственный – будет обладать властью и долгом приносить Богу "Его от Его о всех и за вся" и так делать возможными все "харизмы" и все вдохновения.

2. Должен сохраняться "остаток"² верных, способных действовать в том мире, в котором мы живем сегодня. И это вторая задача. Она может решаться за пределами неизменных границ "организации" и определяется конкретной ситуацией, в которой оказывается Церковь в любой определенный период своей истории. Если истинная функция организации состоит в том, чтобы поддерживать и всегда и везде являть и подавать неизменную сущность христианской веры и христианской жизни, то второе

---

² См.: Рим. 11:4-5. - Примеч. перев.

направление миссии имеет дело с конкретной ситуацией, с миром, какой он есть на данный момент. Повторяю: эта миссия – всегда задача "остатка".

Для меня ответ состоит в одном слове: движение. Сегодня, как было и иногда в прошлом, Церковь нуждается в динамической деятельности молодежи, в некоего рода "ордене", чтобы выполнить то, что организация в одиночку не может и не должна совершать. Если ядром такого движения станет в основном студенчество, то так произойдет именно потому, что студент по определению тот, чья жизнь все еще открыта и готова к действию.

Но ударение делается, конечно, не на "студенте", а на "движении". Студент, как и всякий член такого движения, – субъект и агент, а не объект. Иными словами, движение должно быть направлено на задачи, необходимые Церкви, а не на какие-либо конкретные "нужды студентов".

Обеты на сегодня

Я представляю себе некий образ такого движения и тех, кто будет в нем участвовать. Мне представляется своего рода новая форма монашества, монашества без целибата и без ухода в пустыню, но основанного на конкретных обетах. Я могу предложить три обета:

1. МОЛИТВА. Первый обет – придерживаться в жизни определенной духовной дисциплины, а именно – правила молитвы: попытки поддерживать уровень личной связи с Богом, то, что отцы называют "памятованием" о Нем. Сегодня модно обсуждать духовность и читать о ней книги. Но, сколь много бы ни знали мы о ней теоретически, она должна начинаться с простого и скромного решения, усилия и что труднее всего – регулярности. Ничего нет опаснее псевдодуховности, безошибочные признаки которой – самодовольство, гордыня, склонность к суждениям о духовности других и эмоциональность.

Сегодня миру нужно поколение мужчин и женщин, которые не только говорят о христианстве, но "живут" им. Раннее монашество было прежде всего правилом молитвы. И нам необходимо именно это правило, такое правило, которому могут следовать все, а не только некоторые. Ибо воистину то, что мы говорим, сегодня значит все меньше и меньше. На людей производит впечатление то, какие мы, а это значит – вся сила нашей личности, нашего личного опыта, преданности, самоотверженности.

2. ПОСЛУШАНИЕ. Второй обет – обет послушания, и этого всего более не хватает сегодняшним христианам. Возможно, сами того не замечая, мы живем в климате радикального индивидуализма. Каждый создает для себя собственную версию

"Православия", собственный идеал Церкви, собственный стиль жизни. И все же духовная литература утверждает послушание как условие всего духовного прогресса.

Однако здесь под послушанием я имею в виду нечто очень практическое. Это – послушание самому движению. Движение должно знать, на кого оно может рассчитывать. Это послушание в малом, скромные труды, неромантическая рутина повседневной работы. Такое послушание противоположно не непослушанию, а истерическому индивидуализму. "Я" считаю, "Я" не считаю ... Хватит "считать" и давайте делать! Ничего нельзя достичь без определенной степени организации, стратегии и послушания.

3. ПРИНЯТИЕ. Третий обет можно описать словами одного духовного писателя как "рыть собственную яму". Столь многие сегодня хотят делать что угодно, только не то, чего ждет от них Бог, ибо одна из самых больших духовных трудностей – принять или, может быть, даже понять намерения Бога в отношении себя. Очень показательны, что в аскетической литературе так часто звучат предупреждения против перемены места, против ухода из одних монастырей в поисках других, "лучших", против духа беспокойства, постоянных поисков лучших внешних условий. Опять скажу: сегодня нам необходимо "отнести" к Церкви наши жизни, наши профессии, то уникальное сочетание факторов, которое Бог дает нам для испытания, которое только мы сами можем выдержать или провалить.

Наши задачи

Нас могут спросить: "Каковы будут цели такого движения? Какова будет его миссия?"

Первая задача – помочь людям, и в первую очередь самим членами движения, понять и "жить" их православную веру. Мы все знаем, что сегодня существует реальный разрыв между православным идеалом Церкви – "соборности" литургической жизни – и реальностью. Должно быть место, ситуация, где этот идеал можно "вкусить", испытать, прожить, пусть даже частично и несовершенно. И здесь опыт других православных движений очень убедителен. Именно потому, что их члены познавали – на своих конференциях, сборах, кружках – радость и значение христианской жизни, они могли свидетельствовать об этой радости и призывать возвращаться в Церковь.

Вторую задачу нашей миссии можно назвать интеллектуальной. Мы живем в такое время и в такой ситуации, когда все, а не только профессиональные богословы, призваны знать и быть готовыми исповедать. Наше время – время великой идеологической борьбы. И наша Церковь потерпит поражение, если христиане не будут интересоваться содержанием своей веры и ее значением для всей жизни.

И, наконец, движение должно заботиться о тех нуждах Церкви, о которых епархия или приход по тем или иным причинам не заботится. Оно должно находить общий язык с молодежью, определять место и функцию Церкви в нашем мире, отвечать – творчески – на вызов современной культуры. И все это – наши задачи, потому что, будучи не от мира сего, мы находимся в мире сем, оставленные здесь для того, чтобы свидетельствовать и являть.

Конечно, для всего этого понадобится много времени. Но мы должны думать в понятиях "остатка", движения, служения. И если мы хотим быть полезными Церкви, мы должны начать с самих себя. Когда Бог дает что-либо, талант, Он хочет, чтобы мы его куда-нибудь вложили. Он ждет от нас служения.

И только так можно следовать за Христом.

Перевод с английского Елены Дорман

ВЕСТНИК русского христианского движения N 1(192), 2007. стр.6-23

[Царква](#)

<http://kiev-orthodox.org/site/churchlife/1634/>